

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

СЕРИЯ «ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ»

Б. Д. ГРЕКОВ

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ ПАДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1950

ЛЕНИНГРАД

После смерти Едигея мы видим в Орде несколько соперничающих ханов. Среди них прежде всего следует отметить Улуг-Мухаммеда, имя которого в русских летописях встречается долго, до конца 60-х годов XV в., и который считается основателем казанского ханства. Улуг-Мухаммед был почти с самого начала своей власти в хороших отношениях с Витовтом и не раз помогал ему своими отрядами. Одним из его ранних соперников был Давлет-Берди, имя которого так же часто мелькает в источниках в 20-х годах XV в.

Большое значение в жизни татарских степей — или, как их все еще восточные хроникеры по старине именовали, Дешт-и-Кыпчак — имело появление кочевников из районов Западной Сибири во главе с узбекским ханом Бораком. Абд-ар-Реззак Самарканди рассказывает, что в конце месяца Раби I (т. е. во второй половине апреля) 1419 г. в Самарканде при дворе Улугбека появился бежавший из узбекской степи (Ак-Орда) царевич Борак.⁴ Улугбек хорошо принял царевича и сделал все, чтобы помочь ему в деле захвата власти в Узбекском Улусе. Улугбек вел ту же политику, что в свое время

вел Тимур по отношению к Тохтамышу, т. е. рассчитывал превратить Борак-оглана в своего ставленника, в орудие своей политики. Результаты этой помощи были те же, что и в случае Тимура и Тохтамыша. Борак-оглан, став Борак-ханом, быстро забыл, чем обязан Улугбеку, и повел самостоятельную политику, которая на Сыр-дарье была прямо направлена против интересов Мавераннахра.¹ В 20-х годах XV в. восточные источники отличаются некоторой осведомленностью в делах Золотой Орды, что объясняется обменом послами между Шахрухом (1404—1447) и Улуг-Мухаммедом, которого Абд-ар-Реззак Самарканди именует Мухаммед-ханом. В 1421 г. к Улуг-Мухаммеду пришел от Шахруха из Карабага Султан-Кушчи, которого золотоордынский хан принял весьма приветливо, о чем посол и сообщил Шахруху. В следующем, 1422 г. пришли в Герат к Шахруху и ответные послы Улуг-Мухаммеда — Алим-шейх-оглан и Пулад. Послы, обменявшись богатыми дарами с Шахрухом и выполнив соответствующие любезности,² вернулись в том же году ко двору золотоордынского государя. О чем они говорили, нам не известно. Самый факт сношений Улуг-Мухаммеда на Западе с Витовтом и на Востоке с Шахрухом указывает, что одно время положение его в Золотой Орде было руководящим, хотя у него и были соперники. Однако благоденствие Улуг-Мухаммеда продержалось недолго. В 1423 г., согласно тому же Абд-ар-Реззаку Самарканди, Шахрух в Бадгисе, где он проводил лето, получил известие, что Борак-хан разгромил войска Улуг-Мухаммеда и, захватив его владения, объявил себя ханом.³

Характерно, что разбитый Улуг-Мухаммед бежал в Литву, где искал убежища и помощи у Витовта. Улуг-Мухаммед появился при дворе Витовта в конце 1424 г. Еще до бегства

в Литву Улуг-Мухаммеда бежал из степи на север, в сторону Рязани,⁴ другой разбитый татарский хан, сын Тохтамыша, вышеупомянутый Кепек-хан, который в течение более чем десятилетия безуспешно боролся если не за золотоордынский престол, то во всяком случае за независимость своего улуса.

Борак-хан разбил еще одного хана — вышеупомянутого Давлет-Берди, который вместе со своей ордой откочевал в Крым. Это перемещение, как мы видели ниже, имело впоследствии огромное значение, поскольку его родственник Хаджи Гирей в 1449 г. явился официальным основателем крымского ханства. Улуг-Мухаммед, отсидевшись у Витовта, сумел вновь собрать силы и, повидимому, не без помощи дружественно настроенного к нему великого князя вернул себе положение в степи. Во всяком случае ему удалось отвоевать у Борак-хана Сарай.¹ Таким образом вновь на некоторое время Улуг-Мухаммед становится в значительной части татарской степи наиболее влиятельным из соперничающих ханов. Что же касается Борак-хана, то его власть не продержалась более 5 лет. По словам Абд-ар-Реззака Самарканди, он был убит в Могулистане в сражении рукой Султан-Махмуд-оглана в 832 г. х. (= 1428—1429).² По другой версии, приведенной у Гаффари, он был убит на год раньше, в 831 г. х. (= 1427—1428), причем не в сражении, а в результате заговора эмиров.³

Характерно, что события этих лет дошли и до Египта, где, согласно старой традиции, продолжали интересоваться золотоордынскими делами. Ал-Айни рассказывает, что весной 1427 г. пришло письмо от захватившего Крым Давлет-Берди. Лицо, посланное с письмом, сообщило, что в Дешт-и-Кыпчак продолжается смута, что там три правителя оспаривают друг у друга власть. «Один из них, по имени Даулет-бирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммед-хан,

завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, Борака, занял земли, граничащие с землями Тимурленка».¹ Для понимания событий, связанных с борьбой Улуг-Мухаммеда и Борака, большое значение имеет письмо хана Улуг-Мухаммеда к турецкому султану Мураду II от 14 марта 1428 г. В этом письме он сообщает, что сношения, которые были у его предшественников с Турцией, были прерваны из-за смуты Борака, который временно захватил власть в Дешт-и-Кыпчак. Теперь же, по словам Улуг-Мухаммеда, его войско победило «и обратило в бегство Борака и Мансура». Таким образом, из письма ясно, что падение власти Борака-хана в Золотой Орде произошло до 14 марта 1428 г., однако о смерти Борака-хана Улуг-Мухаммеду еще не было известно, иначе он непременно бы сообщил об этом в своем письме Мураду II.² Вероятнее всего, что Борака был убит вскоре после своего поражения, на что и указывают сведения, сообщаемые упомянутыми выше историками.

Известие это вполне совпадает с данными других источников. Верно сообщение и о Борака-хане, так как действительно незадолго до отправления письма в Египет он захватил Сыгнак и пограничный с Мавераннахром район реки Сыр-дарьи. Самый факт — письмо Давлет-Берди к мамлюкскому султану в Египет — указывает, что Крым был в это время в сношениях с ним, что легко объясняется большой торговлей, которую вели крымские города, особенно Кафа, находящаяся в руках генуэзцев, со странами, расположенными по берегам Черного и Средиземного морей. Повидимому в связи с этими сношениями и находится перенос моровой язвы, точнее чумы, которая началась в Дешт-и-Кыпчак, по данным ал-Макризи, в 1428 г. и продолжалась до 1430 г. Чума эта захватила Крым, перекинулась в Западную Европу и дошла до Египта,³ повсюду неся смерть.

Вернемся однако к Улуг-Мухаммеду (Мухаммед-хану). Не без поддержки Витовта он вторгся в Крым, намереваясь отнять его у Давлет-Берди. Повидимому Улуг-Мухаммеда поддерживали в Крыму родственники Едигея и члены дома Ширин. Положение Улуг-Мухаммеда резко ухудшилось после смерти Витовта в 1430 г. В самой Литве единство, установленное твердой рукой покойного князя, нарушилось и начались раздоры между двумя группировками. У Свидригайло, преемника Витовта, оказался соперник в лице Зигмунда, сына Кейстута. Что побудило Улуг-Мухаммеда порвать с Свидригайло, сказать трудно, во всяком случае остается фактом, что в 1433 г. он его оставил и примкнул к группировке Зигмунда.¹ Повидимому литовские князья настолько привыкли иметь союзников в лице татар, которые были бы проводниками их влияния в Орде и орудием в их борьбе с Москвой, что Свидригайло стал поддерживать нового претендента на руководящую роль в Дешт-и-Кыпчак. Этим претендентом и оказался Саид Ахмед, также сын Тохтамыш-хана.

Еще во второй половине 20-х годов успехи Улуг-Мухаммеда, особенно после его победы над Борак-ханом, были так велики, что казалось — вот-вот он сумеет подчинить своей воле всех соперничающих с ним ханов. Однако преодолеть центробежные силы было невозможно; ни Литва, ни тем более Русь не желали укрепления Золотой Орды. Характерно, что Василий Темный, который хорошо осведомлен был в делах Орды, быстро признал Саид Ахмеда, дабы ослабить враждебного ему Улуг-Мухаммеда. Вместо возрожденной центральной ханской власти вновь наступил политический хаос, в котором действовали одновременно несколько соперников — Улуг-Мухаммед, Саид Ахмед и новый претендент Кичик-Мухаммед, сын Темир-хана. В этом водовороте центробежных сил положение Улуг-Мухаммеда ухудшалось с каждым месяцем. Зигмунд не оказался столь влиятельным и надежным другом, как Витовт, да и литовские дела требовали сближения Зиг-

мунда с Свидригайло, что и привело к изоляции Улуг-Мухаммеда. Дела же Саид Ахмеда шли в гору, особенно после захвата им города Старого Крыма. Одним словом, под давлением успехов соперника Улуг-Мухаммед (в транскрипции русских летописей Махмет, Улу-Махмет) должен был покинуть Дешт-и-Кыпчак и уйти на верхнюю Волгу, где и захватил в 1437 г. город Белев. Однако города ему не удалось удержать, так как русские войска, собранные Василием Темным, разбили татар под Белевым в 1438 г.¹

Здесь мы подходим к одному из интересных моментов распада Золотой Орды. В русской историографии долго существовала традиция считать, что в 1437—1438 гг. Улуг-Мухаммед захватил Казань² и положил начало казанскому ханству.

В. В. Вельяминов-Зернов в своей капитальной и до сих пор недостаточно оцененной и использованной работе «Исследование о Касимовских царях и царевичах» оспаривает, что основателем Казанского ханства нужно считать Улуг-Мухаммеда, и утверждает, что достоверным годом основания Казанского царства является лишь 1445 г., когда, согласно ряду летописных сведений, Казань была захвачена сыном Улуг-Мухаммеда Махмутеком.³ Согласимся ли мы с В. В. Вельяминовым-Зерновым или нет, остается фактом, что Улуг-Мухаммед жил вблизи Московского государства и причинял в эти годы Москве большие неприятности. Так, в 1439 г. он пожег предместья Москвы, простояв у стен последней десять дней.⁴ Через несколько лет мы видим его у Нижнего Новгорода. Весной 1445 г. он отправил против Василия Темного двух своих сыновей — Юсуфа, которого русская летопись именует Якубом, и Махмутека. 7 июля 1445 г. произошла битва у Ефимьева монастыря; Василий Темный был не только разбит, но и захвачен

в плен. В плену он был, впрочем, недолго: Улуг-Мухаммед отпустил его домой за огромный выкуп уже 1 октября того же года.

Так или иначе, но уже в первой половине XV в. мы видим отпадение от Золотой Орды двух наиболее богатых и культурных областей — Крыма и Болгар. Отпадение это является завершением той игры центробежных феодальных сил, которая в свой круговорот захватила полукочевых и кочевых феодалов в лице огланов (царевичей), ханов, эмиров и других влиятельных лиц. Основание Крымского и Казанского ханств означало, что Золотая Орда превращалась почти целиком в кочевое государство. У нее оставалось теперь, да и то временно, сильно пострадавшее Поволжье от Куйбышева до Астрахани. По сути дела это была единственная земледельческая и городская база Золотой Орды. Вспомним, что в период расцвета у Золотой Орды, кроме болгарского владения и Крыма, был и богатейший в отношении сельского хозяйства и городской жизни Хорезм. Феодальные смуты, приводя к отрыву всех этих областей от Золотой Орды, превратили последнюю в явную помеху для дела развития не только Руси, Литвы и Польши, но и для трех оторвавшихся областей — Хорезма, вошедшего в состав тимуридских владений, Крымского и Болгарского, или Казанского, царств. В исторической науке принято считать эти царства или ханства продолжениями Золотой Орды и называть их татарскими. В отношении Крыма это в значительной мере соответствует действительности, хотя в XV в. татары в основной своей массе были кочевниками. Что же касается крымского крестьянства, и особенно городского населения, то здесь была значительная этническая пестрота. В городах было много армян, греков, евреев, имелись и колонии европейцев, особенно генуэзцев и венецианцев, и русских. Состав же земледельческого населения нами еще не достаточно изучен в этническом отношении, чтобы дать точный перечень населения. Кочевников-татар, в состав которых входили кроме монгол и кыпчаки, было в Крыму, конечно, уже не мало, и повидимому XV в. и есть то время, когда некото-

рые их группы (преимущественно беднейшие слои) начали переход на оседлый труд земледельцев (главным образом, огородников и садоводов). Иначе дело обстоит с Болгарским, или Казанским, царством (ханством). Страна эта исстари, по крайней мере с X в., была страной земледельческого уклада. Крестьянский труд был основой экономической и культурной жизни. Болгарская область поставляла в течение всего раннего Средневековья хлеб в Нижнее Поволжье и в обширные кыпчакские степи. Болгарское население оставалось мало затронутым монгольским влиянием как в этническом, так и культурном отношении в период XIII—XIV и первой половины XV в. Напротив того, не только хозяйственно, но и культурно Болгары и их население оказывали влияние на города Нижнего Поволжья и степь. Нельзя конечно отрицать — за два с небольшим века татарской власти — некоторого внедрения кыпчакско-монгольских элементов в состав населения Болгарской области, однако антропологические данные дают в этом вопросе весьма слабые показатели. Следовательно, образование Казанского царства нельзя рассматривать как образование ханства татарского. Только династия да войско были татарскими и пришлыми. Что касается народа, то он в основной своей массе оставался аборигенного болгарского происхождения, хотя и подвергался постоянному влиянию кыпчакско-татарского языка. Таким образом с точки зрения внутренней истории Болгарской области образование Казанского ханства должно рассматриваться как полное покорение болгарского народа пришедшим татарским улусом во главе с Улуг-Мухаммедом или его сыном Махмутеком в 1437 или 1445 г. Казанское ханство было ближе, крымское, основанное Хаджи Гиреем в 1449 г., — дальше от Москвы. Естественно, что с Казанским ханством дружить было трудно, оно стояло у самых границ Московской Руси и с ним нужно было вести борьбу; другое дело — Крым, его можно было использовать временно в качестве союзника и даже орудия в чисто русских интересах. Этими соображениями и будет руководствоваться в своей политике Василий Темный и особенно Иван III.

Распад Золотой Орды выразился не только в указанном отрыве наиболее культурных областей и образовании из них самостоятельных царств, но в появлении специальных татарских вассальных княжеств на территории Руси и подвластных Литве русских землях: мы имеем в виду княжество Касимовское, вассальное Москве, и маленькое княжество Jagoldai, расположенное в Курской области, вассальное Литве и образованное около 1438 г.¹ Второе оказалось достаточно эфемерным, что же касается первого, то оно просуществовало долго, более 200 лет, и оставило значительный след на территории, где оно сложилось. Несколько слов из его истории.

Образование Касимовского княжества связано с именем Касима, брата Махмута, сына Улуг-Мухаммеда. В 1446 г. Касим вместе со своим другим братом Якубом (настоящее его имя Юсуф) пришли со своими отрядами к Василию Темному, спасаясь от преследований Махмута. В течение шести лет они были на службе у московского великого князя с своими отрядами. Служба их оказалась верной и полезной Москве. Согласно В. В. Вельяминову-Зернову, авторитетному исследователю этого вопроса. Василий Темный и передал Касиму в 1452 г. Городец, или Мещерский городок, лежащий на Оке в Рязанской области.² Впоследствии городок этот был переименован в Касимов, по имени основателя вассального Москве владения. Что заставило Василия Темного пойти на этот весьма решительный и в известной мере опасный шаг? Местность вокруг Мещерского городка была заселена, главным образом, мордвой и мещерой, племенами отсталыми, пребывающими в большинстве своем в язычестве, частично исповедующими ислам. По словам В. В. Вельяминова-Зернова: «Тут был прямой расчет: царька, родственника хана Казанского, всегда, когда угодно, можно было напустить на Казань, не принимая на себя ответственности в его поступках; с его же помощью не трудно было поддерживать междоусобия и беспорядки в стране, по-

добной ханству Казанскому, где, как и во всех остальных землях Татарских, права на престол не были точно определены и где всякий царевич, лишь бы он имел поддержку и партию, был в силах заявлять притязания на верховную власть. Царек, выждав благоприятную минуту, мог даже взобраться на престол Казанский, и тогда русские приобретали в лице его соседа, более податливого и менее опасного, чем другие ханы». ¹

Ценные соображения об основании Касимовского княжества высказаны К. В. Базилевицем в его интересной статье «Ярлык Ахмед-хана Ивану III». По словам К. В. Базилевица: «Назначение татар Мещерского городка состояло в охране подступов к нижнему течению Оки, чему в высокой степени помогло выгодное положение этого укрепленного пункта. В случае нападения татар на Рязань или подхода их к Оке между Коломной и Калугой, Касимовские татары могли перерезать пути на Дон и Волгу». ²

Вернемся однако к Дешт-и-Кыпчак, к тому, что происходило там. Хозяином положения в 40-х годах XV в. в степи был Саид Ахмед. С своими западными соседями, с Литвой и Польшей, он был в плохих отношениях, и Шпулер, который исследовал литовско- и польско-татарские отношения, отмечает, что Саид Ахмед делал на них систематические набеги. Таковы походы Саида Ахмеда на Подолию и Львов в 1442 г., на Литву в 1444 г. и опять на Подолию в 1447 г. ³ Особенно сильный удар нанесен был Литве в 1449 г., когда Саид Ахмед помог мятежному литовскому царевичу Михалушке — внуку Кейстута — занять Киев. ⁴ Литва в это время была объединена с Польшей и имела с 1447 г. общего с ней государя Казимира IV.

Несмотря на то, что уже начиная с 20-х годов XV в., со времен Давлет-Берди, Крым желал самостоятельности,

каждый крупный из соперничающих ханов, будь ли это Улуг-Мухаммед или Саид Ахмед, стремились не выпустить из рук своих Крыма. Однако сепаратистские тенденции Крыма были в это время очень велики. Что собственно могло связывать Крым с Золотой Ордой, когда фактически от прежнего государства с его большими торговыми оборотами осталась только наиболее отсталая кочевая часть? Казимир IV явно искал Саиду Ахмеду в Орде если не соперника на ханский титул в Дешт-и-Кыпчак, то во всяком случае недруга, который всегда мог быть ему опасен. Такого он и нашел в Крыму в лице Хаджи Гирея, уже держащего там фактическую власть, но официально еще не провозгласившего себя независимым крымским ханом. Не без поддержки Казимира это провозглашение и состоялось в 1449 г.¹

В 50-х годах мы наблюдаем набеги Саида Ахмеда не только на Литву, но и на Москву. Известен поход этого хана в 1451 г. против Москвы, причинивший большое разорение ближайшим окрестностям города. Во время одного из своих походов против Литвы, а именно в 1455 г., Саид Ахмед сразился с киевским князем Семеном Олельковичем. В сражении этом он был разбит и даже взят в плен. Только в 1457 г. ему удалось бежать из плена. В 1459 г. мы видим Саида Ахмеда уже во главе татарского войска против русских на Оке, однако поход этот не принес татарам никакой пользы, как и поход следующего, 1460 г. против Рязани.

Обстановка международных отношений в Восточной Европе стала складываться против жадного до грабительских походов золотоордынского хана. Василий Темный и Казимир IV прекрасно понимали, что момент был весьма благоприятен для союза и совместных действий против татар. Однако этого фактически не произошло, так как крымский хан Хаджи Гирей обещал поддержать в 1461 г. притязания Казимира IV на Великий Новгород, что не могло не столкнуть его с московским князем Василием Темным.² В 1462 г. умер Василий Темный и на

московский престол вступил Иван III, проводивший умную и весьма энергичную политику в отношении татар Большой или Великой Орды, как по большей части называли в XV в. русские источники татарскую Орду в Дешт-и-Кыпчак. Иван III прекрасно понимал, что его ближайшим врагом является Казанское ханство, которое должно быть как можно скорее уничтожено, однако главным врагом попрежнему считал степь. Последним большим набегом на Москву со стороны Саиид Ахмеда надо считать его поход 1465 г. Поход этот, так же как и предыдущие, был неудачей, так как к сильному удару русских присоединилось нападение войск Хаджи Гирея со стороны Крыма. Трудно сказать, согласовано ли было нападение крымского хана. Повидимому, нет. Объективно же оно оказало помощь Москве. После неудачного похода на Русь в 1465 г. Саиид Ахмед сходит с исторической сцены, уступив свое место новому претенденту на ханский престол в Великой Орде — Ахмеду, сыну Кичик-Мухаммеда, наиболее энергичному среди ханов, соперничавших в Дешт-и-Кыпчак в XV в. Однако как ни энергичен был хан Ахмед, вся его политика, как мы увидим ниже, была совершенно бесперспективна, ибо соотношение сил Руси и Великой Орды было явно в пользу Москвы.

Москва становилась богатым и сильным государством, успешно преодолевающим феодальную раздробленность, накапливающим военные силы, способные нанести поражение даже более серьезному врагу, чем татары периода полного упадка Золотой Орды. Москва вела в это время и умную политику, в частности умела использовать вражду крымского хана с Великой Ордой. В 1466 г. умер Хаджи Гирей, основатель знаменитой крымской династии Гиреев. Первые два года власть в Крыму была в руках у Нур-Давлета, сына Хаджи Гирея. Однако у него оказался энергичный соперник в лице родного брата Менгли Гирея. Нур-Давлет долгое время вел борьбу против брата в Крыму, а затем вынужден был бежать в Литву, откуда перебрался на Русь.¹

Здесь он прожил долгое время, служил честно Ивану III и умер около 1491 г.¹ Источники указывают, что он не раз принимал участие в борьбе с Ахмед-ханом на стороне русских, за что и был поставлен в 1486 г.² князем касимовским, или, как тогда чаще говорили, князем городецким. Между прочим, Нур-Давлет был не раз упоминаем в переписке Ивана III с крымским ханом Менгли Гиреем, причем московский государь не забывал подчеркивать, что старается сделать Менгли Гирею удобное, поэтому и содержит его братьев «Нардоулата и Айдара (Хайдара, — А. Я.) с немалым убытком для казны своей».³ В биографии Нур-Давлета, однако, есть еще темные места, которые надо выяснить.

Дипломатическая переписка Ивана III с Менгли Гиреем была умным и выгодным для Москвы шагом. Весьма интересным и показательным в этом отношении является посольство в Крым к Менгли Гирею боярина Микиты Васильевича Беклемишева в 1474 г. для заключения союза против хана Ахмеда и Казимира IV.⁴

Иван III явно перетягивал его на свою сторону, в противовес Литве и Польше, которая теряла все свои позиции в Крыму. Менгли Гирей был несомненно умным и энергичным ханом, сумевшим прочно взять крымские дела в свои руки. Генуэзские колонии не могли не привлекать особого внимания Менгли Гирея, особенно Кафа — центр генуэзской торговли в Крыму. Время с 1474 по 1478 г. — наиболее темное и спорное в истории Крымского ханства.

Бесспорными являются события 1469 г., сведения о которых опираются на документальный материал.⁵ Так, на основе

¹ В. В. Барановский — Баранов, *Учен. зап.*, 1891, стр. 143.

² В. В. Барановский — Баранов, *Учен. зап.*, 1891, стр. 129.

³ В. В. Барановский — Баранов, *Учен. зап.*, 1891, стр. 128.

⁴ Сб. Русск. историч. общ., т. 45, 1896, стр. 1—5.

⁵ В. В. Барановский — Баранов, *Учен. зап.*, 1891, стр. 129.

В. В. Барановский — Баранов, *Учен. зап.*, 1891, стр. 129.

письма от 18 Раби II 874 г. х. (= 25 октября 1469 г.) Менгли Гирея к турецкому султану Мухаммеду II ¹ ясно, что в том же году войска турецкого султана под командой Якуба напали и ограбили Кафу.

Следующее письмо Менгли Гирея, датированное 15 февраля 1475 г., на имя одного из вельмож того же турецкого султана дает весьма интересные, но не совсем ясные данные. В 1475 г. кто-то захватил Кафу и посадил Менгли Гирея в темницу. Турецкое войско во главе с Кедюк Ахмед Пашой в самом начале 1475 г. освободило Менгли Гирея ² и подчинило Кафу себе, лишив ее независимости. Кто же мог посадить Менгли Гирея в темницу?

Нет никаких оснований считать, что это были турки-османы, так как они высадились в Крыму и захватили Кафу уже после того, как Менгли Гирей был посажен; нет также никаких данных думать, что Менгли Гирея посадили генуэзцы, это было им не по силам. Можно высказать предположение, что Менгли Гирей был посажен в темницу в Кафе главным своим врагом, Ахмед-ханом, который и захватил вместе с Крымом и торговый генуэзский центр. Остается неясным, что было с Менгли Гиреем после его освобождения из темницы в Кафе.

Старая историческая традиция, опирающаяся на восточные повествовательные источники, вводила Менгли Гирея в Турцию ко двору Султана Мухаммеда II, откуда он только в 1478 г. появился в Крыму в качестве восстановленного крымского хана, но уже вассала Турции. В эту схему прекрасно между прочим укладывается сообщение русской летописи (Воскресенской) о событиях в Крыму 1475—1476 гг. Летописец сообщает, что в 1475 г. турки захватили Крым и Кафу и стали хозяевами в стране, поставив от себя ханом Менгли Гирея. Под 1476 г. тот же летописец сообщает, что на Крым напал

мы не знаем. Одно ясно: османской Турции было выгодней держать в качестве вассалов Гиреев, чем ставленников хана Большой Орды, т. е. хана Ахмеда.

Возвращение Менгли Гирея к власти в Крыму в качестве вассала Турции произошло повидимому в 1478 г.¹ Едва ли тогда современники могли правильно оценить историческое значение этого факта. Едва ли кто-нибудь мог предвидеть, какую печальную роль в истории Крыма в позднем Средневековье сыграет османская Турция. Впрочем в XV в. вассальное состояние крымского хана мало сказалось на его политике в Восточной Европе. Силою вещей крымский хан должен был пойти в союзе с Москвой против Большой или Великой Орды хана Ахмеда и против Казимира IV. Иван III был хорошо осведомлен о положении дел на юге и, учитывая дальнейший ход событий, вел через своего посла Ивана Звенеца соответствующие переговоры с Менгли Гиреем,² второй раз занявшим ханский престол в Крыму. Параллельно шли переговоры о союзе и у другой стороны. Ахмед-хан и Казимир IV явно готовили совместное нападение на Московскую Русь.

К. В. Базилевич в своей не раз упоминавшейся статье правильно объясняет политическую обстановку в Восточной Европе в начале 1480 г. «Окончательное уничтожение самостоятельности Новгорода в 1478 г., — пишет он, — вызвало новую активизацию враждебных России сил».³ Против Москвы собралась огромная коалиция, в которую вошли Казимир IV, Ахмед-хан, Ливонский орден и немецкие города Прибалтики.⁴ Стоит ли говорить о том, как велика была опасность, нависшая над молодым Русским государством. Ливонский орден и немецкие города хотя и отвлекли часть русских сил, однако были отбиты с большим для себя уроном, особенно магистр под Псковом. У Казимира IV появились осложнения в самой

Литве, а также реальные угрозы со стороны Менгли Гирея, который набегами своих отрядов держал в страхе Подолию. Эти осложнения настолько связали руки Казимиру IV, что он не имел возможности начать активные действия совместно с Ахмед-ханом, когда последний выступил в свой известный поход против Москвы в 1480 г. В русских летописях поход этот подробно описан, хотя и не без внутренних противоречий. Летописи тогда по-разному отразили в своих описаниях события этого года, главным образом в зависимости от отношения летописцев к личности и внутренней политике Ивана III. Поход Ахмед-хана подробно разработан и в русской историографии. Наиболее интересными являются две работы, отделенные друг от друга почти четырьмя десятками лет: а) А. Е. Преснякова «Иван III на Угре»¹ и б) К. В. Базилевича «Ярлык Ахмед-хана Ивану III».² Хорошо известно, что на притоке Оки Угре, на обоих берегах которой стояли противники, сражения не произошло. Исследователи не раз ставили вопрос, как объяснить этот факт. Нам представляется, что в настоящий момент картина совершенно ясна. Иван III выжидал наиболее благоприятного момента, желая получить сведения о действиях Менгли Гирея и успешной обороне русских городов на севере. Ахмед-хан ждал помощи со стороны Казимира IV.

Заслуга последнего исследования К. В. Базилевича в том, что он привлек к освещению этого вопроса ярлык Ахмед-хана Ивану III, дошедший до нас в русском переводе и не привлеченный исследователями до К. В. Базилевича. Автор доказал его подлинность и показал его историческую значимость как нового источника. Известно, что в начале зимы 1480 г. Ахмед-хан под влиянием наступающих холодов, не получив помощи от Казимира IV, ясно увидел, что военная обстановка складывается в пользу Ивана III. Считая в дальнейшем свое пребывание опасным, он и решил сняться с лагеря и повернуть

назад в степь. К. В. Базилевич прав,¹ когда доказывает, что ярлык Ахмеда написан в момент отхода с берега Угры в конце октября или в начале ноября 1480 г. Вслед за автором и мы повторим примечательные слова ярлыка.

«А нынеча если от берега пошел, потому что у меня люди без одеж, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и аз опять на тебя буду, а пить ти у меня вода мутная».² Ярлык от имени Ахмеда Ивану III написан резким языком и полон угроз. Он требует от Ивана III: «И ты б мою подати, в 40 день собрал: 60 000 алтын, 20 000 вешнею, да 60 000 осеннею, а на себе бы еси носил Батыево знамение у колпока верх вогнув ходил, запеж вы блужные просяники. Только моя подати в 40 день не зберешь, а на себе не учнеш Батыево знамения носить, почен тобою в головах, и всех твоих бояр з густыми волосы и с великими бородами, у меня будут; или паки мои дворяне с хозовыми сагодаками и с софьяными сапоги у тебя будут».³ В летописи сохранилось упоминание о переговорах Ахмеда с Иваном III с указанием на резкость Ахмеда, требовавшего, чтобы Иван явился лично к нему в ставку и привез ему «выход». Та же летопись указывает, что Иван III в том и другом отказал. Одиноко стоит известие, сохранившееся у Казанского летописца, о том, что Ахмед-хан отправил «к великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец своих и з басмою, просити дани и оброки за прошлые лета. Великий же князь ни мало убояся страха царева и, приим басму лица его и плевав на ню, низлома ея, и на землю поверже, потопта ногама своима».⁴

Судя по контексту, известие это должно быть отнесено к упомянутому посольству Ахмеда к Ивану III в 1476 г. Уже давно установилось в исторической науке полное недоверие к этому рассказу, главным образом к тому месту рассказа,

где говорится о «басме лица его»,¹ что с точки зрения мусульманских представлений маловероятно для хана-мусульманина, каким был Ахмед.² Однако рассказ этот сохранил свое символическое значение, так как народное сознание с событиями 1476 и 1480 гг. связывало конец татарского ига и «запустение Золотой Орды». Тот же Казанский летописец пишет: «Бысть же злоторькая та и великая власть варварская над Рускою землею от Батыиева времени по царство то же Златые Орды царя Ахмета».

После Ахмед-хана, который в 1481 г. на берегу Донца был убит в сражении с Айбеком, Орда все больше распадалась на отдельные части, и в среде борющихся ханов ни у кого не было способностей для создания сильной державы. Одно еще держалось: прочное наследие недавнего прошлого — вкус и привычки к грабежам и даням с Руси. Для этого ханы иногда временно объединялись, используя наличность неизжитых феодализирующих сил в самой Руси. Ханские послы из Сарая или временных ханских ставок ездили по старой привычке в Москву, но далеко не всегда добивались и малой доли того, что там искали. Да иначе и быть не могло. Русь была сильной и независимой державой, гордо отстаивающей свою честь, и не случайно тот же Казанский летописец свою 5-ю главу, которую он начинает сразу же после событий 1380 г., наименовал: «О конечном запусчении Златая Орды; и о царе ея, и о свободе, и о величестве Руския земли, и чести, и о красоте преславного города Москвы».³

¹ М. М. Восточников, *Чингизиды и их потомки*, СПб., 1890, стр. 1020-1021; — А. А. Мухоморов, *История татар*, 1900, т. XXIII, стр. 1022-1023; — А. А. Саввин, *Татарские войны*, М., Архивиздат, 1957, стр. 20, 196.

² Восточник, *Указанный источник* М. Мухоморовский по указанным именам (стр. 1020-1021) и М. Мухоморовский, *Указанный источник*, стр. 1022-1023.

³ М. М. Восточников, *Указанный источник*, стр. 1020.